

Р. В. СВЕТЛОВ**«АВТОБИОГРАФИЮ НАДО ПИСАТЬ ТОГДА, КОГДА ВОЗНИКАЕТ НЕПРЕОДОЛИМОЕ ЖЕЛАНИЕ ЕЁ НАПИСАТЬ»****Интервью с Романом Викторовичем Светловым¹**

УДК 101.9

DOI: 10.32691/2410-0935-2020-15-126-139

Аванесов С. С.: Напротив меня – Роман Викторович Светлов, доктор философских наук, директор Института философии человека Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург).

Светлов Р. В.: Добрый день!

Аванесов С. С.: Здравствуйте, Роман Викторович! Я задам Вам несколько вопросов. Их не очень много.

Светлов Р. В.: Две странички только. Да?

Аванесов С. С.: Да. Они позволят нам обсудить нашу тему хотя бы в приблизительном смысле. Итак, наш разговор посвящён автобиографии и философскому смыслу автобиографии.

Первый вопрос будет звучать так: Вы уже пишете свою биографию? Или Вы считаете это делом лишним, поскольку главное в жизни философа – это его сочинения, труды, а писать биографию философа – это удел его читателей?

Светлов Р. В.: Я не пишу свою биографию. Не пишу. И не знаю, честно Вам скажу, является ли это вещью необходимой для философа или нет. Но я бы так сказал, что, наверное, всё-таки главное в жизни философа – это занятие философией, философское дело. Это не только сочинения. Это, конечно же, и преподавание, и какая-то общественная позиция в тех случаях, когда у нас имеется возможность чётко её высказать. Как-то вопрос о необходимости написания автобиографии передо мной к настоящему моменту не вставал. Тем более, что у меня (я боюсь, мы можем уйти немножко в сторону от вопросов) в последние годы выработался, я бы сказал, историко-философский взгляд на жанр философской автобиографии. И если можно будет, я его в процессе ответа на вопросы постараюсь высказать.

Аванесов С. С.: Хорошо. А как Вы думаете, вот эта Ваша позиция по отношению к написанию собственной биографии – это позиция, характерная для Вас сегодняшнего, или Вы считаете, что это Ваша принципиальная позиция навсегда?

¹ Интервью состоялось 13 декабря 2019 г. Разговор вел профессор С. С. Аванесов. Интервью проведено в рамках грантового проекта «Философская автобиография как метод антропологической навигации» при поддержке РФФИ (проект № 19-011-00124).

Светлов Р. В.: Для меня сегодняшнего, безусловно. А навсегда – это слишком большая история. Но есть ещё один момент: я ведь историк философии. И, может быть, в большей степени именно историк. А с этой точки зрения (и это не кокетство) претендовать на статус философа, который осмысляет себя как философ, мне достаточно сложно. Тут тоже есть такая граница, которую надо иметь в виду.

Аванесов С. С.: С другой стороны, Ваш навык исторического подхода к творчеству философов не накладывает ли отпечаток на Ваше собственное творчество? Не хочется ли Вам на самого себя посмотреть как на персонаж историко-философского исследования?

Светлов Р. В.: Опять же, я бы, может быть, посмотрел на себя таким образом, если бы обладал некоего рода уровнем претензий (это я без иронии говорю) Гегеля – вот моя философия как итог философии вообще всей, или Аристотеля. Тогда, вероятно, да. Но, мне кажется, по поводу автобиографии следует сказать следующее. Во-первых, жанр дневников, который, безусловно, начиная с Монтеня, с той самой эпохи, является одним из важных жанров философской (и не обязательно философской) сборки самого себя человеком эпохи модерна, и который во многом (навык написания дневников) в наше время утрачен, – этот жанр дневников, вероятно, важное для человека эпохи модерна занятие. Но дневниковые записи не обязательно становятся автобиографией как чем-то, что предназначено для внешнего чтения, хотя бы среди узкого круга друзей. Сам по себе этот жанр дневников, он, наверное, всё-таки вырастает (как мне, по крайней мере, представляется) из того, что когда-то совсем было исповедью. Исповедью в религиозном, а не светском смысле слова.

Аванесов С. С.: И, соответственно, Августин – предшественник Монтеня.

Светлов Р. В.: Да.

Аванесов С. С.: Хорошо. Теперь попытаемся так поставить вопрос. Вы различаете личную жизнь философа и его жизнь в сочинениях? Или личная жизнь философа не имеет никакого отношения к тому, что он излагает в своих работах? И тогда для Вас как для историка философии история философии – это история конкретных людей с определёнными именами или это история их мыслей, отражённых в их сочинениях?

Светлов Р. В.: Это история и людей, и мыслей.

Аванесов С. С.: То есть люди тоже важны?

Светлов Р. В.: Потому что, вне всякого сомнения, жизнь, как минимум, имеет отношение к тому, что написано в сочинениях. И, самое главное, – то, что написано в сочинениях, как минимум, имеет отношение к тому, что происходит в жизни. Что такое философия? Это образ жизни, частью которой является образ мысли. Для античной философии, пусть это максималистский принцип был, но, тем не менее, он был важен. Поэтому безусловно да.

Аванесов С. С.: Соответственно, говоря об истории философии, мы говорим и об истории личной жизни философов.

Светлов Р. В.: Безусловно.

Аванесов С. С.: Так или иначе, биография философа...

Светлов Р. В.: Имеет отношение. В ряде случаев – самое непосредственное отношение. Сократа возьмём того же самого.

Аванесов С. С.: А эта жизнь, биография философа, которая вплетена в его философию, эта его философская жизнь, она отличается от жизни других лю-

дей? Соответственно, биография философа отличается ли, по-Вашему, от биографии не-философа?

Светлов Р. В.: Безусловно, отличается.

Аванесов С. С.: Чем?

Светлов Р. В.: Чем она отличается? Тем, что философ... Так речь идёт о биографии или автобиографии?

Аванесов С. С.: О биографии.

Светлов Р. В.: Ну, биография отличается, безусловно, по той причине, что у философа в его жизни всегда есть не обязательно периоды времени, но, может быть, периоды деятельности, того, что Аристотель назвал «жизнью теоретической». То есть тогда, когда он не просто выстраивает стратагемы своего будущего политического, экономического, культурного или ещё какого-то поведения, а тогда, когда он занят наиболее общими, но наиболее важными проблемами, и оставить он их не может. Ну, как Сократ, который шёл на пир, а вдруг задумался (помните?) и «завис». Вот он стоит, чисто одетый, в сандалиях, сейчас придёт, но думает пока о том, что сейчас начнётся. И этим, действительно, философ отличается радикальным образом от остальных. Философия требует обязательно свободного времени, досуга. Свободного времени – не просто как времени не занятого в профессиональной деятельности, а свободного времени от всего, в том числе от вот этих гаджетов. Если его нет, то... Вот этим и отличается, условно говоря.

Аванесов С. С.: Тогда это же, получается, нормально и естественно, если философ одним из предметов своего философского осмысления делает свою собственную жизнь, отличающуюся от жизни других людей. И в этом смысле как Вы относитесь к наличным, уже существующим философским автобиографиям: это часть философии этих философов, по-Вашему, это просто интересно? Вы уделяете этому внимание в своих занятиях?

Светлов Р. В.: Поскольку я занимаюсь главным образом античной философией, а там философских автобиографий не было, если не считать Марка Аврелия (ну, может быть, что-то ещё из текстов Сенеки, особенно «Нравственные письма к Луцилию»), – и почему не было, я всё-таки потом буду иметь возможность несколько слов сказать, – то, конечно, с этой точки зрения я вынужден биографии искать и там, где есть какое-то самописание, и там, где его нет – в самих философских текстах, которые не являются строго автобиографическими. Платоновские тексты – это не автобиография. Хотя, как шутливо сказал один из замечательных сторонников тюбингенского эзотерического прочтения Платона Томас Слезак, комментируя лекцию Томаса Робинсона на одной нашей конференции: «По-вашему получается, что диалоги, поскольку они писались последовательно, – это некое селфи, философское селфи Платона?»

Что касается автобиографий более поздних, то, безусловно, конечно же, куда без Монтеня, без Бердяева и так далее, учеников Брентано... То есть, кто только ни писал эти автобиографии. Руссо, например. Автобиография и исповедь, видите, очень близко оказываются у тех людей, которые имеют отношение к делу философскому.

Конечно же, читаю. И это важно. Это элемент истории философии, я бы так сказал. Безусловно, элемент истории философии. Другой вопрос связан с тем, не является ли такого рода философская автобиография некоторым исторически преходящим жанром, связанным с какими-то более важными

историческими вещами, связанными с историей европейской субъективности, я бы так сказал. Я потом постараюсь объяснить.

Аванесов С. С.: Вы можете выделить какие-то наиболее важные для Вас философские автобиографии?

Светлов Р. В.: Я скажу, что самая главная для меня автобиография, если говорить о них, сближая с исповедью, то это, конечно же, «Нравственные письма к Луцилию» Сенеки, где автобиографического очень много. Марк Аврелий – это, безусловно, то, что я для себя открыл. Причём открыл не на первом курсе, а уже в конце обучения и, в общем-то, перечитываю регулярно. «Исповедь» Августина – без всякого сомнения. И Монтень. Вот эти тексты для меня наиболее важные. Хотя я читал и Руссо, и Толстого, и Бердяева, и так далее. И даже эти самые «черные тетради» Хайдеггера скандальные.

Аванесов С. С.: В таком случае, видите ли Вы разницу между философской автобиографией и автобиографией философа? То есть имеется я виду, что предметом, о котором рассказывается в этом тексте, выступает сам философ. Но мы можем говорить о том, что сам этот автобиографический текст является философским, или это просто литературный жанр?

Светлов Р. В.: Я понимаю. Естественно, разница есть. В одном случае я себя презентую как человека, прожившего определённую жизнь, добившегося определённых успехов (ну, либо неудач – от этого никуда не деться). Как некоего рода определённый, может быть, уникальный, но всё-таки социальный тип, о котором я и повествую. А другое дело, когда я пытаюсь поразмышлять на тему: что такое мысль, почему я мыслю и что такое «Я», которое мыслит. В данном случае не столь существенна моя личная симпатия / антипатия к себе, к чему-то другому. Тут, конечно, разница есть существенная.

Аванесов С. С.: Может ли философ написать нефилософскую автобиографию?

Светлов Р. В.: Ну, наверное, да.

Аванесов С. С.: Как литературное произведение.

Светлов Р. В.: Я думаю, да. Конечно. Почему нет?

Аванесов С. С.: То есть философ способен выступать и как писатель. Можете ли Вы назвать момент жизни, который стал ключевым эпизодом в Вашей биографии как философа? Вы автобиографию не пишете, но можете ли хотя бы апеллировать к какому-то эпизоду, который для Вас воспринимается как важнейший с точки зрения Вашего становления как философа либо историка философии, профессионала?

Светлов Р. В.: Я видел этот вопрос, и я думал над ним. Наверное, я должен быть в этом случае предельно честным. Видимо, для меня, как ни парадоксально, такого рода поворотным пунктом стала первая большая педагогическая неудача. На 5-м курсе мы проходили педагогическую практику, и я, соответственно, должен был для первого курса провести семинар по восьмой книге «Метафизики» Аристотеля. Я помню, какой это был кошмар. После этого семинара я понял, что, в общем, я никакой не педагог и в Аристотеле ничего не понимаю. И тоска, тоска, тоска... Собственно, это не значит, что я тут же начал думать над Аристотелем и так далее. Но этот опыт неудачи, такой почти нуминозный опыт неудачи, очень сильно меня перестроил с точки зрения серьёзности отношения к предмету, которым я занимаюсь.

Аванесов С. С.: То есть можно было забыть, как страшный сон, а можно было подвергнуть рефлексии.

Светлов Р. В.: Естественно, я это вытеснял из своей памяти (это нормальная ситуация). Но этот стыд, причём стыд не перед кем-то, перед научным руководителем, собственно, Верой Яковлевной Комаровой, которая там сидела... Думаю, она многих таких, как я, повидала за время, когда преподавала. Этот какой-то такой не просто стыд, знаете, социальный, а какой-то более глубокий, заставил меня относиться с бóльшим уважением к предмету, которым я занимаюсь. И мне кажется, что если какой-то разворот произошёл в понимании того, что такое философия, то это именно тогда.

Аванесов С. С.: Хорошо. Представим себе, что Вы всё-таки пишете автобиографию (Вы не хотите, но пишете). Какие основные эпизоды в Вашей философской биографии Вы бы описали, если таковые есть, какие-то ключевые моменты? Вы сказали, что Вы историк философии. Ну, понятно, что историк философии – это, скорее, философ, чем историк.

Светлов Р. В.: В общем, да.

Аванесов С. С.: И в этом смысле можно говорить о Вашей философской биографии.

Светлов Р. В.: Вот тут важен некий подход. Я тогда ещё раз к этой теме вернусь. Может быть, я сейчас немножко поговорю подольше. Не возражаете? Немножко побольше букв.

Аванесов С. С.: Буду рад.

Светлов Р. В.: Опять, это и от моего занятия историей философии пришло. Я задумался об этом в какой-то момент, перечитывая в очередной раз «Жизнь Плотина» Порфирия и, естественно, перечитывая со студентами, работая с ними. Все отмечают, что Плотин не давал делать с себя изображений, потому что это тень от тени подлинной реальности. Там вообще очень забавно получается. Художник ходил на его занятия, создал, видимо, портретное изображение, двумерное. А потом по нему были созданы те самые бюсты, которые в музее в Остии находятся. Причём два изображают одного человека, а третий – другого.

То есть Плотин не хотел, но всё равно этот бюст был создан. Ну, не важно, в общем. Потому что наша жизнь – тень от реальности. Зачем плодить тень от тени?

А вот если читать внимательно (более или менее внимательно) дальше биографию Плотина, то, собственно, мы с вами видим, что Плотин и о себе-то не рассказывал. Что мы знаем из его прошлой жизни? То, что он родился где-то в Египте. То, что он до 7 лет ходил к кормилице сосать грудь, а она его устыдила (он устыдился в первый раз). В 28 лет пошёл искать учителя и тоже со стыдом уходил от всех, кроме Аммония Саккаса. Потом записался в армию в 39 лет. Потом уехал в Рим. И всё. Всё остальное знаем уже из тех лет, когда Порфирий был при Плотине, он о нём рассказывал.

Вот это непамятование о себе – это некоторого рода форма биографической аскезы. Это принципиально отличает Плотина от Августина и античные тексты от жанра биографии, который складывается потом, в христианскую и постхристианскую эпоху. Потому что для Августина исповедь, память о себе – это такого рода... Он помнит о себе, конечно, во взгляде на Бога или во взгляде Бога на него, естественно. Это памятование о себе обязательно со всеми стыдными и нестыдными мелочами. Потому что это не что иное, как такое

драматическое формирование личности под приглядом Бога. Как потом будет в эпоху Нового времени, более секулярную эпоху, драматическое формирование личности под приглядом общества.

А для Плотина это всё не важно было. Понимаете? Это не важно. Важны несколько моментов: нашёл учителя, договорился в письменном виде не разглашать его учение, отправился в армию, чтобы добраться до Индии, помните, чтобы с индусскими браминами поговорить. Всё. Это такое непамятование себя, аналог которого, честно говоря, я вижу только в Книге Иова, притом в самом конце книги, когда Иов отказывается помнить о себе, а помнит обо всём том, что было, перед лицом Господа. Это какое-то такое фундаментально иное отношение к себе, чем вот этот европейский тип социальной субъективности, которая должна прописывать обязательно самого себя через факты собственной жизни и так далее. Это не значит, что... Я современный человек, я не Плотин, да и не дорасту я до него никогда, и, понятно, я себя даже не приравниваю. Это не значит, что для меня не важны те люди, которых я любил и люблю, которые меня любили, те мои, скажем, драмы в жизни, которые имели место быть, мне важна память о тех близких людях, которые от нас уже ушли. Возраст такой, что уже однокашники потихоньку начинают уходить от нас. Память о победах и неудачах – это всё важно. Но насколько это всё (точно так же, как то, что вначале в основном я читал Плотина, только потом сосредоточился на Платоне), насколько это важно для философской автобиографии?

С этой точки зрения, конечно, мне достаточно трудно говорить о такого рода поворотных пунктах, как они были у Плотина. Их, в общем, в жизни-то должно быть совсем немного. Наверное, для меня первый поворотный пункт – это тот самый стыд, о котором я говорил. Другой, наверное, поворотный пункт для меня – это принятие на себя ответственности (причём фундаментальное принятие ответственности) в 2002 году, когда я стал директором издательства. Это вроде бы к философии не имеет отношения, а на самом деле самое прямое имеет отношение. Вот такого рода 2–3 пункта я могу назвать. Но это не значит, что такими событиями стало то, что я в какой-то момент для себя открыл Аристотеля, а потом Фуко, который так читает «Апологию Сократа». Нет, это не так.

Аванесов С. С.: Спасибо. Является ли написание автобиографии фактом биографии автора? И, следовательно, входит ли само это написание автобиографии в автобиографию?

Светлов Р. В.: Если говорить об автобиографии в современном смысле слова, конечно, входит. Является ли оно обязательным – не знаю, не уверен.

Аванесов С. С.: Может ли таким образом само написание автобиографии менять биографию?

Светлов Р. В.: Вне всякого сомнения. Августин, написавший «Исповедь», – это совсем не тот Августин, который ещё не написал «Исповеди». Это однозначно. А уж тем более, если мы говорим о Монтене, о Паскале. Конечно же.

Аванесов С. С.: Написание автобиографии – это не процесс взгляда со стороны на то, что происходило, а это то, что сейчас происходит.

Светлов Р. В.: Это формирование субъективности собственной. Да.

Аванесов С. С.: Тогда как Вы думаете, может ли процесс написания автобиографии вызвать изменение философской позиции её автора? Может ли философ стать другим в тот момент, когда он описывает самого себя как философа?

Светлов Р. В.: Может. Не хочу сказать, что это обязательно должно происходить. На мой взгляд, может. Я не знаю, это, может быть, такой фантазм, о котором я говорил. Вот мы смотрим на Августина до «Исповеди», видим его тексты, а потом па-бам! – и такое манихейство двух градусов, злая свобода воли и так далее. Вроде бы мы не можем найти предпосылки этих представлений у раннего Августина. А тут, когда он публично (потому что исповедь-то была публичной, но это литературная публичность), публично промыслил самого себя, увидел и описал самого себя, это описание привело его... Здесь вопрос важный: связано ли это с духовным опытом либо со спецификой жанра, который сам ведёт человека? Это нарратив привёл его к убеждению, что без воли Бога его воля только ко злу всегда вела? И начинается перенесение этого на богословские темы? Ну, может быть, это фантазия, конечно.

Аванесов С. С.: Но вполне можно предположить, что жанр диктует некий образ мыслей, некий дискурс, который тем самым оказывает влияние вообще на картину мира.

Светлов Р. В.: Да, конечно.

Аванесов С. С.: Может и картина мира в принципе корректироваться или, возможно, даже меняться?

Светлов Р. В.: Конечно. Автобиографией корректируется.

Аванесов С. С.: А что Вы скажете о том, может ли каким-то образом скорректироваться или уточниться представление о времени? Потому что всё-таки написание автобиографии – это работа с хроническими процессами.

Светлов Р. В.: Естественно. О чём рассуждает Августин в «Исповеди»? О времени.

Аванесов С. С.: Чтó есть время для нас. Да.

Светлов Р. В.: И Паскаль о чём? Тростник разумный... Это что-то чисто «хроническое», то есть это со временем связанное определение.

Аванесов С. С.: Хорошо. Как Вы думаете, если и надо писать автобиографию, то когда её начинать писать? По горячим следам? Она должна вырастать из дневников, из каких-то регулярных записей? Либо автобиография начинается тогда, когда между мною нынешним и мною прошлым есть некая временная дистанция, и я могу уже с позиции сегодняшнего дня осмысливать то, что я потом буду излагать?

Светлов Р. В.: Мне кажется, что автобиографию надо писать, когда возникает желание написать автобиографию. Именно желание. Непреодолимое. Тогда нужно писать. Это нужно написать не потому, что от тебя это требуют, а просто нужно это сделать. Оно может возникнуть в самое разное время. Но с точки зрения каких-то общих абстрактных принципов, конечно же, дистанция должна быть. Потому что дистанция позволяет сгладить все эти мелкие детали, которые актуальны прямо сейчас: подожди, подумай. Даже не то что подумай, а просто подожди, забудь, отпусти. А потом увидишь, что это на самом деле.

Аванесов С. С.: Или вообще уезжай, как Плотин советовал Порфирию.

Светлов Р. В.: Да, уйди.

Аванесов С. С.: То есть оторвись от себя нынешнего.

Светлов Р. В.: Да-да-да. Проветрись. Но, повторяю ещё раз, писать её надо тогда, когда возникает действительно внутренняя необходимость это делать.

Аванесов С. С.: Хорошо. Как Вы думаете, есть ли жанровая разница между автобиографией и мемуарами? Не являются ли мемуары просто автоматиче-

ской записью, грубо говоря, того, что происходит, и не является ли автобиография неким законченным художественным трудом?

Светлов Р. В.: Да, вне всякого сомнения, Вы правы. Разница имеется. Есть вещи, перекликающиеся между мемуарами и автобиографией. Потому что мемуары элементы автобиографии могут в себя включать. Точно так же, как автобиография может выступить важным элементом для изучения исторических реалий, каких-то событий. Но мемуары – это как бы моя память о неких вещах, которые имели место быть со мной и с тем, что вокруг меня происходит. Мемуары не подразумевают вот этой саморефлексии над тем, кто это всё дело записывает, почему он так это записывает и какой смысл вообще всё это несёт. То есть мемуары, по крайней мере, не предполагают этого в качестве обязательного момента. Поэтому это разные вещи.

Аванесов С. С.: Тогда вопрос на уточнение. Как Вы думаете, если человек пишет автобиографию, должен ли он опираться на синхронные записи? Допустим, он может к ним вернуться через 10 лет, но это синхронные записи. Или он не должен к ним обращаться вообще, а должен строить свой текст, исходя чисто из собственной памяти, из того, что осталось в его сознании.

Светлов Р. В.: Отвечаю. А) Не знаю, не писал. Б) Наверное, опять же, чисто из принципа, наверное, обращение к ним интересно. Не с точки зрения того, что «я буду своими записями уточнять свою память», а хотя бы для того, чтобы ответить на вопрос: а почему я сейчас помню это так?

Аванесов С. С.: То есть автор всегда присутствует в том, что он пишет о себе самом.

Светлов Р. В.: Да. Почему я сейчас помню так? Почему тогда я это видел по-другому? Почему я вообще способен по-разному помнить?

Аванесов С. С.: Это хороший вопрос, который как раз и порождает уже некие антропологические суждения общего порядка.

Светлов Р. В.: Да.

Аванесов С. С.: Хорошо. Спасибо. Теперь ещё такой вопрос, тоже связанный с отношением автобиографии и дневников или, скажем, мемуаров. Если дневник естественным образом строится по хронологическому принципу (само собой), то как должна быть или как может быть построена автобиография? Это тоже должен быть хронологический принцип – от детства к нынешнему состоянию, либо это какой-то другой принцип формирования – по событиям, которые являются более важными, а потом возвращение к каким-то более мелким вещам?

Светлов Р. В.: По темам и заботам. Мне кажется, и тот, и другой принцип вероятен. Вполне вероятен. Я опять примеры те же самые буду приводить. Если речь идёт о драматическом формировании субъективности исповедального плана, то это, конечно, «Исповедь» Августина. Там понятно, что хоть он возвращается к каким-то вещам, она выстроена более биографически. С другой стороны, как тема, которая занята мне, интересна мне и интересна окружающим, – Монтень. «Опыты» Монтеня, по сути своей, – автобиография. Но там элементов такой хронологической последовательности значительно меньше, чем у Августина. Поэтому может быть и такой, и другой вариант. Главное – чтобы талантливо.

Аванесов С. С.: Да, это важно. А может ли последовательность самого текста автобиографии быть стихийной? В том смысле, что (я попытаюсь объ-

снить) я могу ведь монтировать автобиографию из фрагментов. И если какой-то фрагмент вспомнился у меня позже, но он имеет отношение к более раннему этапу, я могу вставить его ближе к началу. Либо не нужно ничего менять?

Светлов Р. В.: Конечно. В эпоху постмодерна может быть всякая последовательность и всякая композиция. Или декомпозиция.

Аванесов С. С.: Считаете ли Вы, что в автобиографии прошлое должно быть описано так, как оно было: без всякой коррекции, оценки с позиции настоящего? Или вы думаете, что такой принцип описания прошлого является недостаточным, искусственным или даже невозможным?

Светлов Р. В.: Невозможным.

Аванесов С. С.: Невозможным?

Светлов Р. В.: Невозможным.

Аванесов С. С.: То есть элемент оценки материала присутствует.

Светлов Р. В.: Элемент оценки в любом случае будет присутствовать. Это надо обязательно иметь в виду. Но и понимать, что, когда ты описываешь прошлое, ты уже какой-то взгляд через тот момент, когда пишешь, на него даёшь.

Аванесов С. С.: И автор не должен этого скрывать?

Светлов Р. В.: Не должен скрывать этого.

Аванесов С. С.: Тогда производит ли автор собственной биографии селекцию фактов собственной жизни, которые он собирается описывать?

Светлов Р. В.: Да.

Аванесов С. С.: То есть он разделяет их на те, которые должны быть описаны, опубликованы, и те, которые не должны быть.

Светлов Р. В.: Да.

Аванесов С. С.: Или он не должен так делать? В этом должна быть какая-то честность, или здесь честность – понятие неуместное?

Светлов Р. В.: Честность – всегда понятие уместное, на мой взгляд. Ну, скажем так, видимо, в разные периоды сама социокультурная обстановка выдвигала определённого рода требования к автобиографиям. Например, в большей степени исповедальный характер, скажем, она должна была иметь. Или в большей степени я должен был в своей автобиографии как-то понять себя не в отношении с Богом, а в отношении с политической реальностью. В какой-то момент может быть революционная автобиография борьбы на баррикадах, если угодно. То есть всегда меняются некоего рода требования к автобиографии. Поэтому, наверное, универсального списка, что должно быть в ней отражено, нет. Поэтому то, что считает (опять же, с точки зрения презумпции невиновности и доверия) талантливый автор автобиографии, то там и должно быть. И он должен честно себе отдавать в этом отчёт. Нечто мне всё равно диктует моя эпоха (я от неё не свободен), а вот это, вопреки эпохе, я сам считаю важным.

Аванесов С. С.: То есть через автобиографию мы можем прочитать не только об авторе, который писал, но и об эпохе.

Светлов Р. В.: Да. Даже если пишут самые уникальные и оригинальные мыслители.

Аванесов С. С.: Но всё-таки автор автобиографии пишет о себе, он пишет текст. Это, в том или ином смысле, всё-таки некое литературное произведение. Тогда этот автор литературного произведения в широком смысле, как Вы думаете, имеет ли он право на то, чтобы специально о чём-то умалчивать, рас-

ставлять субъективные акценты в том, что он описывает? Может ли он как бы допускать некоторый вымысел? Может ли он прибегать к мистификации, игре с читателем и так далее?

Светлов Р. В.: Ну, если речь идёт об исповедального типа автобиографии, то не должен. Он всё равно это будет делать, но *сознательно* этого делать не должен.

Аванесов С. С.: Но ведь исповедь может выступать просто как жанр.

Светлов Р. В.: Я понимаю. Но я имею в виду не просто жанр. В исповедальном типе, конечно, он не должен этого делать. По крайней мере, сознательно. При этом он понимает, что он всё равно будет что-то оставлять за скобками. Это нормально. Мы все помним одно и то же событие, даже если описываем его одними и теми же словами, совершенно по-разному. Даже тут без теории языковых игр Витгенштейна это понятно.

Но *должен* ли он это делать? Смотря какую цель имеет эта автобиография. Может быть, это уже не исповедального типа цель. На кого она направлена? Она направлена, в первую очередь, на самого себя и на осмысление самого себя как философа, места в философии как участника философского дела. Или же в автобиографии важен элемент реакции на неё со стороны читателей. Реакция, опять же, не с точки зрения «Ой, какой ты хороший философ», «Ты всем философам философ», «Таких философов не было», а с точки зрения того, что он хочет что-то вызвать у них, спровоцировать.

Аванесов С. С.: Писатель же всегда имеет в виду читателя?

Светлов Р. В.: Да. Но он может иметь его в виду по-разному. И может спровоцировать на какие-то вещи: возмутиться, заинтересоваться, побежать проверить, а так ли это было, поиздеваться над ним он, может быть, хочет. И это, видимо, некоего другого жанра автобиографии. Так, к слову, Стенли Розен тексты Платона читает. Якобы тот над нами издевается, подсмеивается, провоцирует и так далее.

Аванесов С. С.: Хорошо. Скажите, как по-Вашему, какими целями может быть мотивировано написание автобиографии? Вот мы заговорили о возможном читателе. Но автор собственной биографии, он же как-то для себя подразумевает того, на кого он ориентирует этот текст? Его мотивация может быть связана с предположением о том, что его текст будет читать *кто-то*? Его потомки (то есть дети, внуки), либо философское сообщество, либо любой читатель? Это как-то влияет на то, что он пишет, в конце концов, на его мотивацию?

Светлов Р. В.: Ещё раз. На мой взгляд, автобиографию нужно писать (хотя я не знаю, я не уверен, нужно ли её писать в принципе) тогда, когда ты понимаешь, что тебе нужно писать автобиографию. А когда ты понимаешь, что тебе нужно писать автобиографию? Я сейчас только фантазирую, поскольку я не писал и, значит, стремления такого не испытывал. Очевидно, вариантов два. Первый, я бы назвал, площадной, как, помните, первая Афродита у Платона. Площадной вариант, это когда я почувствовал, что уже определённого рода значимость получил в глазах общественности и закрепляю её такого рода автобиографией. А второй вариант – от другой Афродиты: когда я понимаю, что без этой автобиографии я не разберусь в том, что такое философия. Ни в самом себе, ни в философии. Когда это происходит, когда такого рода вещи происходят, тогда... В общем, на самом деле, читателю это и не важно. Но мы всё равно ориентируемся на читателя, чтобы хотя бы он понял. Поэтому

предполагать, что будет читатель (земной или небесный) – это существенно. Все остальные опции (например, спровоцировать, заинтересовать) – это уже как дополнительные, факультативные в этом деле.

Аванесов С. С.: А может ли написание автобиографии быть мотивировано, так скажем, педагогическими целями, назидательными? Например, я пишу не о том, чтобы сообщить кому-то о важности собственной персоны, и даже не для того, чтобы состояться в качестве философа, потому что без этой рефлексии, допустим, я не состоюсь, но я могу чувствовать педагогическую какую-то потребность: поделиться, наставить, как тот же Сенека?

Светлов Р. В.: Да, вполне возможно.

Аванесов С. С.: Тогда появляется такая, понимаете, уже не эгоистическая мотивация, а наоборот – альтруистическая.

Светлов Р. В.: Я бы не сказал, что в первом случае она эгоистическая. Эгоистическая мотивация – это когда я автобиографией застолблю своё место в обществе, в истории, в философском процессе.

Аванесов С. С.: Когда памятник себе создаю.

Светлов Р. В.: Да, памятник нерукотворный. Точнее, рукотворный – я же пишу или на компьютере набираю. А педагогическая – да, вне всякого сомнения, тоже может быть.

Аванесов С. С.: Если человек взялся писать собственную автобиографию, не возникает ли здесь для него такая, условно говоря, опасность? Поскольку он становится персонажем текста (неважно, собственного ли текста, в данном случае – собственного текста), не начинает ли он приобретать черты, так сказать, лирического героя? Не отделяется ли он от себя самого пишущего и не превращается ли он в персонажа этого текста?

Светлов Р. В.: Конечно. Это самая главная опасность, которая, на мой взгляд, даже в самых замечательных автобиографиях присутствует. Та же самая ситуация, тот же самый Сенека. «Письма к Луцилию» – это не автобиография, безусловно, с формальной точки зрения, а во многом и с неформальной.

Аванесов С. С.: Это эпистолярный жанр, в котором есть элементы...

Светлов Р. В.: Эпистолярный жанр с дидактическим элементом. Но поскольку дидактический элемент есть, то кто является самым лучшим примером? Я сам, моя история. Вот он уже в возрасте, Сенека.

Аванесов С. С.: Жизнь превращается в набор примеров, которые он может приводить ученикам.

Светлов Р. В.: Да-да-да. И, более того, она связана ещё, сцеплена с набором моральных примеров, заимствованных из прошлой философии, стоической, и не только стоической. Такая усталая аристократическая мудрость. Мудрая, но уставшая античная философия, и всё пропущено через себя, действительно, через Сенеку. Но, вместе с тем, начинается своего рода превращение себя в литературного героя, такое литературное кокетство. Вы помните, когда он говорит: «Вот эти древние мужи добра, вот они те самые, которые... А я – всего лишь указатель на дороге, который показывает, куда надо идти». Когда слабость начинает восприниматься читателем с каким-то умилением и так далее. И здесь такая угроза существует, вне всякого сомнения.

Аванесов С. С.: Не кажется ли Вам, что даже в этом смысле, когда автор как бы работает на некие педагогические цели и пишет о себе с какими-то альтруистическими целями, он, тем не менее, проявляет кокетство и, таким обра-

зом, может быть, нескромность какую-то. Но не является ли скромность добродетелью философа? И не нарушает ли он эту добродетель, если начинает о себе повествовать как о таком персонаже, который достоин внимания читателя?

Светлов Р. В.: И способен научить.

Аванесов С. С.: Не нарушается ли здесь какой-то аскетический принцип философии?

Светлов Р. В.: Здесь, с одной стороны, действительно нарушается. И, повторяю ещё раз, автобиография как некое литературное произведение – это и жесты, это и претензия определённая. Что меня несколько и смущает всегда. При всём том, что таковы многие произведения европейской истории философии, Монтень тот же самый – конечно, без Монтеня мы вообще мало что в жизни поймём, если его не почитаем. Но, с другой стороны, говорить о том, что скромность – это добродетель философа, неверно, на мой взгляд. На нынешнем фазисе развития философии, особенно в России, это неправильно. Иначе мы забудем с вами урок Сократа – досужего, совсем не скромного, хотя и знающего, что он ничего не знает Сократа. Без такого рода позиции (активистской) философия, собственно, всегда будет, так сказать, вытесняться в башню из слоновой кости (или из чёрного дерева, как её ещё называют). Что и происходит регулярно с классическими для своей эпохи видами философского дискурса. Поэтому активизм обязателен, и самопрезентация обязательна. Но самопрезентация не для того, чтобы показать, что он такой красивый, вот он литературный персонаж и так далее, а презентация себя в роли эксперта.

Аванесов С. С.: Вы говорили, что Плотин как раз уходил от всяческой самопрезентации. Мне кажется, что и Бахтина можно привести в качестве примера такой вот гипертрофированной скромности.

Светлов Р. В.: Плотин скромнен в рассказе о себе. Но Плотин нескромен в рассказе о философии, в требовании к слушателям, к ученикам. Понимаете?

Аванесов С. С.: Понятно, да.

Светлов Р. В.: Да, и вообще, ещё секундочку. Конечно, Плотин скромным человеком не был, безусловно.

Аванесов С. С.: Ну, он не был скромным в том смысле, что он вещал от имени истины.

Светлов Р. В.: Да.

Аванесов С. С.: Но при этом сам он, как Сенека, был указателем, он был рупором.

Светлов Р. В.: Да-да-да.

Аванесов С. С.: Сам он исчезал из поля зрения.

Светлов Р. В.: Да, я согласен.

Аванесов С. С.: И в этом смысле он был скромнен – как отдельный персонаж, как индивид.

Светлов Р. В.: Согласен.

Аванесов С. С.: Хорошо. Может ли философская автобиография быть исчерпывающей? В каком случае она может быть признана таковой? Ведь биография философа, пишущего собственную биографию, продолжается.

Светлов Р. В.: Значит, исчерпывающей быть не может. Здесь я полностью с Вами согласен.

Аванесов С. С.: Если содержание автобиографии – это биография автора, а биография философа не заканчивается с его смертью и поэтому никогда

не может оказаться в полном распоряжении самого пишущего собственную биографию, то как он вообще может претендовать на написание автобиографии, если он философ? Если не философ – может претендовать. А философ? Может ли он тогда претендовать на написание собственной биографии?

Светлов Р. В.: Ещё раз скажу, автобиографию нужно писать тогда, когда появляется абсолютное, ничем другим не насыщаемое желание написать автобиографию.

Аванесов С. С.: Но мы же можем сказать: «тогда этот человек, у которого появилось такое желание, – не философ» или «этот человек не обладает философской скромностью, он тщеславен». Нет, не можем так сказать?

Светлов Р. В.: Но мы же с Вами договорились, что это страстное желание, вызванное не тщеславием. Предположение, с точки зрения презумпции его невиновности. А он хочет вот такого рода... Он понимает, что без этого его занятия философией не полны, не консистентны, вот этого не хватает. При этом он осознаёт, что он ещё лет 5, 10, 20, 30 проживёт, и, понятно, что всё может поменяться.

Аванесов С. С.: Наверное.

Светлов Р. В.: Наверное, проживёт. Но пока сейчас ему нужно это сделать, потому что без этого дела он не может...

Аванесов С. С.: Идти дальше.

Светлов Р. В.: Или вишенку на торт положить не может. Разные варианты могут быть. С этой точки зрения, вообще, вот так абстрактно говоря, конечно же, автобиография вполне уместна. Но это тогда, как сегодня уже говорилось, «философское селфи» определённое. В определённый момент времени и в определённом месте.

Аванесов С. С.: В принципе, автобиографий может быть много.

Светлов Р. В.: Конечно.

Аванесов С. С.: Потому что после написания автобиография, после того, как мы поставили точку, если биография философская продолжается, то возникает новый материал для написания...

Светлов Р. В.: Как у Фихте. Сколько у него было версий «Наукоучения», помните? Почему нет? В чём права современная эпоха? В том, что субъекты, субъективность – это не то всё-таки, что мыслится в традиционном картезианском духе (это я говорю безотносительно к проблеме дуализма и так далее), а это то, что постоянно самособирается, постоянно устанавливает некие места своей сборки, которая с течением времени, с течением жизни меняется. Поэтому да, конечно, в принципе потенциально может быть целая серия автобиографий.

Аванесов С. С.: И если исходить из того, что настоящая биография философа начинается после его смерти, иногда – сильно позже его смерти, в таком случае как мы должны расценивать ту автобиографию, которую он, допустим, успел написать при жизни?

Светлов Р. В.: В каком смысле «как можем оценивать»?

Аванесов С. С.: Это некий текст, из которого мы действительно можем почерпнуть некоторые сведения о его биографии? Либо, если мы стоим на радикальной позиции, состоящей в том, что биография его началась после его смерти, то есть *после* написания его автобиографии, то мы как должны относиться к самому этому тексту автобиографии?

Светлов Р. В.: Из автобиографии мы можем почерпнуть некоторые важные вещи для его биографии – той биографии, как она протекала внутри него.

Аванесов С. С.: Да, внутренней.

Светлов Р. В.: Внутренней биографии, внутренней судьбы. И именно это нужно иметь в виду. Там будут детали касательно внешней стороны, безусловно, важные. Но самое главное и важное – это то, как он видел самого себя в этой жизни. Вот точка доступа к реальности, какая была в тот момент.

Аванесов С. С.: И от этого, наверное, сильно зависит то, какая у него будет посмертная биография. От того, как он сумел высказаться тогда о себе, как он состоялся в том тексте.

Светлов Р. В.: Да. Или же его принципиальное отношение к биографии, к описанию себя – от этого действительно очень зависит его будущая биография.

Аванесов С. С.: Хорошо. Я Вас искренне благодарю за откровенный разговор.

Светлов Р. В.: И Вам спасибо.